

СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО

УДК 940(470)"1930":2

«Я ФОТОГРАФИРОВАЛ ЦЕРКВИ, ПОПОВ, ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ...»: ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ДЕРЕВЕНСКОГО МАРГИНАЛА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

А. И. Казанков

Пермский государственный институт культуры, 614000, г. Пермь, ул. Газеты «Звезда», 18
tokugava2005@rambler.ru

Реконструируется повседневная жизнь малоизученной категории провинциального населения России в первой половине XX в. Хранящиеся в Пермском государственном архиве новейшей истории следственные дела позволили узнать о жизни трех православных деревенских священников – о Варлаама (Зомарева), Д. Мичкова и И. Слюнкова. В ней отразились наиболее значимые события российской истории: Первая мировая и Гражданская войны, государственные репрессии в отношении церкви, коллективизация уральской деревни, голод и лишения, массовые операции органов НКВД во второй половине 30-х гг. Ни богатый жизненный опыт, ни умения и таланты, ни энергия и стойкость, ни взаимная помощь и поддержка не спасли этих людей от судьбы маргиналов: преследуемого, криминализируемого и уничтожаемого меньшинства.

Ключевые слова: Пермский край, православные священники, фотография, монастырь, репрессии.

– Нарисуй мне барашка...

А. де Сент-Экзюпери

Цель данной работы – попытаться реконструировать один из аспектов повседневной жизни уральской провинции в первой половине XX в. Как справедливо заметил И.Б. Орлов, изучение советской повседневности в новейшей российской историографии переживает исследовательский и издательский бум [Орлов, 2010]. В отечественном гуманитарном знании эта традиция сравнительно молода – первые по-настоящему новаторские работы Е.Ю. Зубковой [Зубкова, 1999], Н.Н. Козловой [Козлова, 1996, 2005], Н.Б. Лебиной [Лебина, 1999, 2015а, 2015б] появились во второй половине 90-х гг. прошлого века.

Посвященные разным периодам и различающиеся тематически, исследования повседневности объединяла общая методологическая установка. Вместо политической истории «больших социальных тел» в центр внимания помещался «маленький человек», социокультурная динамика показывалась в перспективе «снизу», генерализации предпочиталась индивидуация, а к приемам традиционного исторического анализа продуктивно прививались антропологические, этнологические и культурологические методики [Козлова, Смирнова, 1995, с. 12–22].

Заявленная парадигма предполагала привлечение источников нового типа – в основном так называемых «источников личного происхождения». В научный оборот массово вводились документы, которые ранее не были известны вообще или были предметом внимания преимущественно краеведов: письма безвестных «актеров», мемуары рядовых советских граждан, фотографии из семейных альбомов и т.п. Поэтому изучение советской повседневности смогло превратиться в самостоятельную научную программу только в условиях происходившей параллельно «архивной революции». Стоит обратить внимание на то обстоятельство, что первые публикации, задавшие «формат жанра», связаны либо с фондами учреждений, выступавших коллекторами «писем трудящихся», либо с материалами специально созданных собраний, таких как Центр документации «Народный архив».

Продолжая традицию реконструкции «цветущего многообразия» повседневной жизни, хотелось бы привлечь внимание к ее небольшому, но выразительному фрагменту, по ряду причин ускользавшему от внимания историков. В фондах Пермского окружного комитета ВКП(б) хранится

доклад Административного отдела Пермского окрисполкома за 1925 г., в котором сообщается следующее:

«...на учете религиозных обществ на I/IV . . . 227 из коих:	
Православные Тихоновского направления . 90	
Обновленческого 43	
Не выяснен. течения 16	
Старообрядч. 39	
Единоверческих 18»	(Краткий доклад о деятельности...).

Каждое «религиозное общество» – это приход. В каждом православном приходе были поп, дьякон и непременно так называемый «актив» из мирян: псаломщик, староста, казначей, церковный совет. Даже с учетом всех последующих изменений административных границ округа порядок цифр представить легко. Среди горожан и сельских жителей западной окраины тогдашней Свердловской области они составляли ничтожное меньшинство. Меньшинство это отличалось обособленностью, неповторимо-узнаваемой внешностью и корпоративным духом в сочетании с удивительной «немотой», доходившей до полной герметичности. В пространстве советского дискурса они – молчащее и замалчиваемое сообщество.

Разумеется, пропаганда атеизма и государственная поддержка воинствующего безбожия, переживая пики и спады, не прекращалась никогда. Но в ней «церковники» присутствовали не как живые люди, а как абстрактные «носители функций». Те, кто распространяет «религиозные пред-рассудки», устраивает «антисоветские вылазки», вредит «колхозному строительству», отвлекает от «разворота сева» и т.п.

Самих священников неустанно приучали к сдержанности все два десятилетия жизни «у последних времен»¹. Любой неосторожный шаг грозил репрессией. Поэтому-то мы не знаем о них почти ничего. Да и откуда, собственно, нам о них знать? Они не оставили мемуаров, не имели трудовых книжек, не участвовали в работе советских и партийных органов. Им не посвящались передовицы в газетах и кадры кинохроники. Они не заседали на совещаниях и не были членами профсоюзов. Их обошли вниманием художники, писатели, журналисты, и лишь гротескная фигура отца Федора Вострикова – «стяжателя на всех ступенях своей светской и духовной карьеры» – навсегда запечатлена в нашей памяти талантливой рукой авторов «Двенадцати стульев».

В одном из своих блестящих очерков, посвященном «революционному прокурору» Фукье-Тенвиллю, Марк Алданов искренне восхищался: «Поразительно число деловых бумаг, описей, инвентарей, протоколов, остающихся от рядовых французов...». Ему можно верить – сиживал в архивах. В отношении рядовых россиян, живших в 20-х и 30-х гг. XX в. справедливо обратное. От них остались считанные документальные свидетельства. Выписка из метрики, свидетельство о браке, аттестат об окончании учебного заведения, пара фотографий, военный билет или красноармейская книжка – и это в лучшем случае. От священника, дьякона – и того меньше.

Однако та же самая государственная репрессия, которая вырывала человека из структур повседневности, оставляла своеобразный артефакт в виде архивно-следственного дела. Массовая операция 1937 г., проводившаяся в соответствии с оперативным приказом народного комиссара внутренних дел № 00447, на ведомственном языке именованная «кулацкой», построила провинциальное духовенство на «последнем параде». Такова специфика деятельности инквизиторов всех времен и народов: допрашивая, пытая и казня, они заставляют пытаемых и казнимых свидетельствовать о себе. В конце концов, что бы мы знали об индейцах майя, если бы не иезуит Диего де Ланда?

Обладая всеми родовыми чертами «инквизиторской антропологии» (тенденциозность, неполнота, обилие фальсификатов), корпус источников, вышедших из-под пера оперуполномоченных райотделов НКВД, имел особенности. Их составителей отличает крайняя неосведомленность и малограмотность (из протокола допроса: «... открыто создал себе актив избрал церковный совет в количестве 5 человек...» – (Протокол допроса Ф.Г. Дудина...)). Кроме того, они невыносимо скучны из-за обилия клишированных оборотов, перекочевавших с каких-нибудь занятий политграмоты или курсов младшего комсостава: «Будучи враждебно настроенным к Соввласти...», «На своем контрреволюционном сборище...», «... дискредитировал мероприятия, осуществляемые...», «... превратил

амвон в трибуну антисоветской пропаганды» и т.д.

Такие тексты можно читать, только напоминая себе, что за каждым подобным штампом стоит пункт обвинительного заключения и, следовательно, человеческая трагедия, что не следует верить ничему из написанного, а нужно выяснять, что именно названо «контрреволюционным сборищем»: бытовая пьянка, свадебный сговор, молитвенное собрание или вечерние посиделки в доме священника, куда прихожане из отдаленных деревень пришли накануне престольного праздника «с ночвой». Но бывает так, что сквозь казенный язык все-таки пробивается спонтанная, живая речь. Вдруг за стереотипным повествованием об очередной «диверсионно-террористической организации» обнаруживается другая история. Обычная, человеческая. Достаточно нескольких слов, чтобы взгляд задержался.

Так случилось и на этот раз. В многотомном групповом деле неожиданно мелькнуло что-то из середины фразы: «... давал еще задание сфотографировать барашка, которого нарисовал Зомареву Слюнков Иван...» (Протокол дополнительного допроса В.В. Мичкова...). Иван Слюнков «нарисовал барашка» Варлааму Зомареву. Это прозвучало как пароль, вызвавший ряд ассоциаций: Слон в удаве, Лис, Роза, Змея. Да и имя Варлаама Зомарева автору было хорошо известно. Этого человека сам «комиссар», начальник Свердловского УНКВД Д.М. Дмитриев определил вербовщиком свердловского епископа тихоновской (староцерковной) епархии Петра Савельева в фашистскую контрреволюционную организацию. Затем Дмитриев сделал епископа одной из ключевых фигур в Уральском повстанческом штабе. А о «нарисованном барашке» давал показания 19 сентября 1937 г. священник Василий Мичков.

Он и станет главным героем нашей истории. Но сначала – несколько замечаний *sine qua non*. Прежде всего, из этических соображений некоторые имена и фамилии в ней будут изменены. Действующие лица будут упоминаться без церковных чинов. Далее: не секрет, что, работая с архивно-следственными делами, можно легко впасть в обличительный пафос – настолько грубы и незамысловаты приемы их фальсификации. Но в нашем случае действия «инквизиторов» как раз будут вынесены за скобки, как это рекомендовал создатель «уликовой парадигмы» К. Гинзбург. В фокусе исследования останутся причудливые, необычные (и вместе с тем обыденные) персонажи, обитавшие в ландшафте повседневности Западного Урала в первой половине XX в.

И, наконец, несколько слов в защиту избранного нами биографического жанра. Насколько типичен наш герой? Не лучше ли было обобщить все имеющиеся в распоряжении автора сведения, примерно о сотне тихоновских, обновленческих и старообрядческих священников и представить их в виде таблиц и графиков? Думается, что нет. Ведь речь идет о людях, а человек (коллеги философы со мной согласятся) всегда есть некоторое отклонение в бытии. Он не типичен по определению – тем и интересен.

* * *

Василий Варламович Мичков родился 30 декабря 1883 г. в селе Мосино Осинского уезда Пермской губернии. Происходил он из крестьян. Образование получил низшее – три класса церковно-приходской школы.

Девятнадцать лет от роду, в 1902 г., он стал послушником Белогорского Свято-Николаевского монастыря – «поближе к дому». То, что здоровый молодой парень не остался работать в «сельском хозяйстве родителя», едва ли случайно. Это свидетельствует скорее всего о том, что Вася Мичков оказался младшим сыном в семье землепашца весьма скромного достатка. Добавим: едва ли, если учитывать его дальнейшую судьбу, этот выбор был добровольным. Прожив в монастыре четыре года, он так и не принял постриг. На это указывает тот факт, что в 1906 г. он был призван в армию.

В этом же году в монастырь на послушание пришел Иван Слюнков. Происходил он из служащих, учился в народной школе. Ему было всего 11 лет. Юноша обнаружил способности к живописи, и примерно с 1910 г. начал работать в иконописной мастерской.

Прослужив установленный срок, в 1909 г. Василий Мичков демобилизовался в чине ефрейтора. На допросе он покажет: «С 1910 года по 1914 был странствующим фотографом. И одновременно с этим слушал миссионерские курсы при Пермской часовне и при Белогорском монастыре». Странствующий фотограф («пушкарь») – неременный атрибут базарных площадей и ярмарочных гуляний в России начала XX в., его узнаваемая фигура с массивным фанерным аппаратом, черной накидкой и магниевой вспышкой то и дело мелькала в воспоминаниях современников.

Так обозначились два главных дела в судьбе нашего героя: фотография и религиозное служение. Вот фрагмент протокола обыска, произведенного у него 6 августа 1937 г. Обнаружено: «разной церковной и а/с литературы 67 шт., крестов оловянных и медных 421 шт., фотографических карточек 135 шт., альбомов с фотографиями 1. Негативов 33 шт., фотоаппаратов: 6х9 один исправный «Турист», камера фотоаппарата без объектива – дорожная 18х24 одна поломанная с 3-мя кассетами, фотобумага 13 пакетов по 10 листов в пакете 9х12 и 2 пакета 13х18. Всего 15 пакетов 150 листов. Фотопластинок 12х16,5 = 24 шт. и 6х9 = 24 шт.» (Протокол обыска...). Помимо этого изъяты фотореактивы. При повторном обыске было изъято следующее «лично принадлежащее имущество»: «1) разной контрреволюционной литературы 112 экземпляров; 2) негативов фотографических 37 штук; 3) фотокарточек под стеклом 27 штук; 4) походная темная фотографическая лаборатория 1 шт.» (Протокол повторного обыска...).

По-видимому, Василий Мичков познакомился с Иваном Слюнковым именно в этот период. Фотограф, слушатель миссионерских курсов, и послушник-иконописец смогли найти общий язык.

В 1914 г. Мичкова вновь был призван на действительную воинскую службу. Как раз в это время в тот же самый Белогорский монастырь поступил еще один крестьянский сын – Дмитрий Зомарев. В справке из сельсовета, выданной после ареста его старшей сестры Пелагеи Зомаревой (в замужестве – Новоселовой), значится: «Настоящая дана на гр-ку д. Новоселово Чесноковского с/совета Уинского района Свердловской области Новоселову Пелагею Васильевну в том, что хозяйство до революции было кулацкое. Имели сельхозмашины: молотилку, жнейку, веялку. Имели эксплуатацию чужого труда – сезонных рабочих до 400 рабочих дней в год. Имели дегтярный завод на три котла, лошадей 2–3, коров 3–4 штуки, мелкого скота до 15 голов. Своей земли имели до 15 га. Арендной земли до 30 га, на арендной земле сеяли клевер ежегодно до 20–25 га» (Характеристика из сельсовета...). Но авторы справки не посчитали нужным указать, относятся ли эти сведения к семье самой Пелагеи (а следовательно, Дмитрия) или характеристика дана хозяйству ее покойного мужа, которым она владела как вдова.

В монастыре Зомарев работал простым сапожником. Дмитрий быстро принял постриг. В монашестве назвался Варлаамом. С Иваном Слюнковым они быстро подружились – на всю оставшуюся жизнь. На допросе 4 сентября 1937 г. Пелагея Новоселова (Зомарева) показала: «Со Слюнковым Зомарев жил вместе в монастыре, а потом, когда стали попами, то связь поддерживали. Один от другого служили на расстоянии 3-х километров и были тесно связаны друг с другом, т.к. были друзьями с детства».

В 1915 г. Ивана призвали в армию, а Варлаам Зомарев остался в монастыре. Бывшие послушники Белогорской обители Слюнков и Мичков демобилизовались в 1917 г., пройдя практически всю «империалистическую». После демобилизации Слюнков вернулся в монастырь.

Мичкова же мы обнаружили в г. Усолье, где он снова занимается фотографией в 1918 г. А спустя год наш герой стал участковым милиционером в Кунгуре и оставался им три года. Из песни слова не выкинешь: во время Гражданской войны Мичков служил советской власти.

В этом он был не одинок. Великая русская смута отпечаталась в биографиях рядового духовенства по-разному. Были, конечно, «белые гады», но были и «красные соколы». Взять хотя бы священника из Чернушки Иосифа Калашникова. Окончив двуклассное училище, он поступил в электротехническую школу, а в 1918 г., двадцати лет отроду, отправился служить в РККА. В рядах Красной армии будущий батюшка прошел путь от рядового до командира роты связи и демобилизовался в 1922 г. Еще в 50-х гг. XX в. пожилые жители Чернушки, передпрашиваемые в связи с деятельностью комиссии по реабилитации, рассказывали легенды о его боевых подвигах на фронтах Гражданской войны.

В эти годы Василий Мичков женился, причем весьма нетривиально. Предоставим слово ему самому: «Я женился в 1920 году в гор. Кунгуре на гр-ке Котельниковой Екатерине Васильевне, которая происходит из крестьян, дер. Ключ Троицкого сельсовета, по социальному положению в прошлом монашка Кунгурского женского монастыря, откуда я ее и взял в 1919 г., а женился в 1920 г.» (Протокол допроса В.В. Мичкова...). В 1937 г. в семье было двое детей: дочь Нина девяти лет и сын Алексей шести лет. В 1921 г. Мичков оставил службу в милиции, поступив в Кунгурскую художественную студию, где и проучился до 1923 г.

Одновременно важные события произошли в жизни Варлаама Зомарева и Ивана Слюнкова, тоже постригшегося в монахи. Белогорский монастырь ликвидировали, и оба друга были впервые

арестованы «за сопротивление закрытию монастыря». Оба освободились в конце года.

Закрытие Белогорского монастыря оказалось значимой вехой, запечатленной во многих судьбах. Ликвидировался целый уклад жизни, и перед сотнями монастырских насельников возникла проблема – как жить дальше? Случалось, что приходилось делать выбор еще более серьезный. Вот что вспоминал о закрытии Белогорского монастыря иеромонах Иосаф (Белоусов): «При ликвидации монастыря, примерно в 1923 году, нас в скиту находилось около 40 человек, все мы, за исключением стариков и больных, были задержаны и направлялись в монастырь. По дороге от скита к монастырю я из-под стражи сбежал и поместился в моей собственной келье верстах в 4–5 от монастырского скита.

Причиной к бегству послужило то, что последние два с половиной года я являлся настоятелем этого скита и руководителем его, вследствие чего боялся расстрела, что и послужило мне причиной совершить побег» (Показания Белоусова...). Сбежав от ожидаемого расстрела, Иосаф фактически выбрал жизнь нелегала (ему удастся скрываться еще 10 лет), но сохранил привычный уклад жизни монаха-скитника. Его «смысловая вселенная» сохранилась в неприкосновенности до поры до времени из-за упрямого игнорирования перемен в мире, который он уже однажды покинул. Подобная тактика применялась не часто, но она была не более и не менее успешной, чем иные. Враждебный мир напомнил о себе в облике уполномоченных ОГПУ, постучавших в двери пещерного скита около 12 часов дня 22 июня 1934 г.

Непродолжительный арест Зомарева и Слюнкова едва ли был воспринят ими как нечто сопоставимое по значению с закрытием монастыря. Они и представить себе не могли, что любое самое незначительное столкновение с законом в СССР (в особенности для духовенства) становилось чем-то вроде «черной метки». Где-то в недрах картотеки оперативного учета карательных органов заводилась неприметная бумага и ждала своего часа.

Начиная с 1924 г. на протяжении десяти лет Василий Мичков занимался исключительно фотографией. Менял место работы: Кунгур, Пермь, Кишертъ, снова Кунгур. Он пустился в странствия. Мичков нашел свою «золотую жилу» – стал снимать священников и железнодорожников, церкви и вокзалы. Потом, во время следствия, ему придется отречься от обвинений в шпионаже: «Я действительно, будучи фотографом по Уралу в 1925 и в 1926 годах по станциям железной дороги ездил. Был на станциях: Шаля, Кордон, Разъезд 61, Кауровка, Билимбаи и др. станциях, названия не помню. Но таких снимков, какие предъявляет мне следствие, как-то: ж/д депо, станции я не фотографировал. Я фотографировал церкви, попов, железнодорожников – частных лиц и все».

Колеса по всей Свердловской области, Мичков обнаруживал признаки усиливающейся деградации духовного сословия. Гонения на церковь усилились в период коллективизации, и «служители культа» пустились в отхожие промыслы. Отвечая на вопросы следствия, он рассказывал о дьяконе Константине Шипунове: «Это б/дьякон Усановской церкви, затем где-то служил священником. В настоящее время живет на разъезде Палкино около Свердловска, занимается кустарным изготовлением мочальных щеток» (Протокол допроса В.В. Мичкова... Л. 68).

Что касается Григория Белозерова, бывшего иеромонаха Соликамского монастыря, снявшего с себя сан, то он «живет в дер. Коновалыта, Кленовского с/совета Усть-Березовского района. Занимается плетением корзин. Имеет фотоаппарат и занимается фотографированием. Фотографированием Белозеров занимается с 1925 года. С 1927 по 1930 г. Белозеров жил в селе Асово Березовского района, где исключительно занимался фотографированием. С 1930 по 1932 год примерно, жил в Коновалытах Березовского района, тоже занимался фотографированием и плел корзины. С 1932 по 1936 год жил в гор. Вятка, куда уезжал учиться плести корзины. В 1936 г. Белозеров по возвращении из Вятки жил в с. Усановка у Марии Максимовны – фамилию последней не знаю. В Усановке Белозеров когда жил, то занимался корзиноплетением, подшивал валенки, в течении шести месяцев выполнял нелегально должность псаломщика и служил совместно со мной в церкви» (Там же. Л. 72).

Плетение корзин, фотографирование, подшивание валенок, сапожное дело, изготовление мочальных щеток, труб из железа заказчика, даже подработки на колхозных полях – все это становилось повседневным занятием бывших сельских батюшек и монашеской братии. Несмотря на это, они продолжали воспринимать друг друга как членов единой корпорации. И это легко объяснимо. Даже в наших трех друзьях (Мичкове, Зомареве, Слюнкове) мы видим людей одного поколения, имевших один и тот же социальный опыт (от послушнического до фронтowego). Монастыри – эти

настоящие «кузницы кадров» для деревенских приходов – формировали личные связи, сохранявшиеся на протяжении многих лет как ощущение действительного братства. «Корпоранты» часто и подолгу гостили друг у друга, причем независимо от ранга. Из показаний Пелагеи Новоселовой (Зомаревой): «В 1929 г. при мне епископ Аркадий уехал из Кунгура служить в гор. Свердловск епископом, откуда приезжал к нам в Сапово и жил у нас с неделю. А потом в Свердловске был арестован и находился где-то в ссылке. По возвращении из ссылки в 1931 г. епископ Аркадий опять приезжал к нам в Сапово и жил у нас с неделю или больше, никак сейчас не вспомню» (Протокол допроса П.В. Новоселовой...).

Те же, кто продолжал служить, жаловались на судьбу. Вот фрагмент из письма священника Федора Бояршинова епископу чужой, Томской епархии: «Ваше Преосвященство, Милостивый Пастырь и Отец! Господу Богу было угодно наказать наш край недородом. Теперь у нас образовалась эмиграция. Лучшие мои прихожане были раскулачены и выселены, а остальные теперь разъезжаются кто в Сибирь, кто на Кубань, кто в Малороссию, кто куда может. Оставляют свои жилища и таким образом мой приход до того уменьшился, что мне не кем и не чем стало содержаться, ни хлеба, ни денег, правительственной помощи тоже нет. Лишь в 10 километрах в районе есть только ларек, но и там такая давка, что совершенно нет возможности добраться до какой-либо буханки хлеба. И таким образом вынуждены питаться горьким травянистым суррогатом, с которого здоровье и силы слабеют страшно. Положение ужасное, а умирать не хочется, и я решил обратиться к своему Архипастырю Петру – Епископу Свердловскому, просил перевести меня на лучшее место, но все лучшие места заняты и наконец я решился обратиться к Вам, Ваше Преосвященство и почтительнейше прошу: соблагovolите принять меня в Вашу Епархию и определите на священническую вакансию если не городской, то хотя к сельской церкви» (Письмо Ф.Г. Бояршинова...).

Тем временем служившие неподалеку друг от друга в Кунгурском районе Иван Слюнков и Варлаам Зомарев успели вторично подвергнуться репрессии. В 1933 г. они осуждены по групповому делу как «участники церковно-монархической организации». Приговор звучал грозно, но оказался относительно мягким: два года ссылки. И именно в это время Василий Мичков сделал свой окончательный выбор. Побывав за свои полвека послушником, солдатом, фотографом, снова солдатом, снова фотографом, милиционером, учащимся художественного училища, опять фотографом он, наконец, решил стать священником – в 1934 г. В разгар «безбожной пятилетки», когда Емельян Ярославский, главный атеист СССР, обещал: советские люди забудут о религии. В год убийства Кирова. За три года до начала массовых операций.

Автор не может отделаться от ощущения, что Василий Мичков был хорошим, мужественным человеком. Откуда взялось это чувство – трудно сказать. Может, от спокойной обстоятельности ответов перед лицом «суда неправедного». Может, возникло на основе каких-то деталей вроде: «Я с Дмитрием знаком через отца Тимофея. Давал советы по фотографии и продал ему фотоаппарат. Отдал без определенной цены и отдал так: заплатит – ладно, не заплатит – так же» ([Протокол допроса В.В. Мичкова ... Л. 69) или «Я эту контрреволюционную литературу приобрел в 1933 г. для личного чтения. Купил в гор. Кунгуре у одного ссыльного протоиерея Сергия, фамилию его я не помню. Сергей был сослан из за Москвы в гор. Кунгур на 3 года за контрреволюционную деятельность. По отбытии мер наказания выехал в Ульяновск и тут отдал мне всю свою литературу, продал по дешевке» (Там же. Л. 70).

Будучи священником в селе Усановка, он подкармливал нуждающихся единоличников кусками хлеба, собранными на пожертвования в церкви. Не боялся ходить по деревне в Рождество со святой водой (которую носил в чайнике). Продолжал фотографировать – епископов (в деле имеется автограф Петра Савельева с просьбой выслать снимки) и рядовых попов. Зарабатывал этим что-то – на жизнь хватало. Даже устраивал обеды после праздничных служб. Пили чай, разговаривали. О чем – известно. Об отце Василии агентурная информация поступала сразу от двух осведомителей: «Черемухина» и «Зеленого». Обсуждали налоги и хлебозаготовки, масонство и фашизм, события в Испании и новую конституцию. Ругали власть – как без этого?

В 1935 г. из ссылки вернулись Зомарев и Слюнков. Мичков немедленно возобновил отношения с друзьями. Варлаам попытался вернуться на прежнее место службы, в село Сапково. Но, по словам сестры, «...ему оттуда предложили НКВД выехать, и он выехал. В настоящее время живет около города Челябинска, имеет землянку, которую выкопал сам и в ней живет. Имеет паспорт и

прописан в адресном столе города. Работает на библиотеку – переплетает книги. А сейчас сенокосит. Живет Варлам около города в дер. Козино» (Протокол допроса П.В. Новоселовой... Л. 110). Видимо, из этой землянки под Челябинском он и вербовал епископа Петра Савельева. Именно туда, в Челябинск, Мичков выслал фотографию злосчастного барашка, которым почему-то особенно интересовалось следствие: «В 1937 году Зомарев Варлам мне давал еще задание сфотографировать барашка, которого нарисовал Зомареву Слюнков Иван, а Зомарев мне его послал, просил переснять. Я переснял, отпечатал 6 экземпляров фотокарточек под вид икон и вместе с негативами отправил Зомареву в Челябинск, который этот снимок распространил как икону» (Протокол дополнительного допроса...). Это последнее свидетельство о старом приятеле, оставленное В. Мичковым.

Иван Слюнков был арестован в третий раз в 1936 г., получил шесть лет ИТЛ, отбыл, и в 1945 г. трудился чернорабочим на шахте им. Кирова в Свердловской области. Затем вновь арестован, и на этот раз осужден на восемь лет ИТЛ. Дальнейшая судьба его неизвестна.

Василий Мичков был осужден в 1937 г. тройкой при УНКВД Свердловской области к десяти годам ИТЛ как член контрреволюционной повстанческой организации. Прошел Сиблаг и Белбалтлаг, выжил и вернулся. Стал служить в церкви села Рогали Очерского района Молотовской (Пермской) области. В 1949 г. был арестован повторно и сослан на поселение в Казахстан (г. Джамбул). Достоверных сведений о его дальнейшей судьбе нет. Хочется верить, что он уцелел и там.

Всматриваясь в повседневную жизнь провинциального духовенства в первой половине XX в., можно обнаружить в ней спектр стратегий адаптации, от отказа принять происходящие в мире перемены до попыток интеграции в изменившуюся реальность. Крестьяне по происхождению (а всякий крестьянин – на все руки мастер), они мобилизовали все возможные навыки выживания – от остекления окон, плетения корзин и изготовления мочальных щеток до фотографирования и иконописи. Они расстригались или оставались в монашестве, продолжали служить в церкви или выбирали мирские занятия, но в итоге не преуспели ни в чем. Единственное, чего они не могли (а может, и не хотели?), – это надевать маску «советскости», маскироваться, заниматься самостилизацией и т.п. Люди «на обочине», классические маргиналы.

Примечания

¹ Относительно того, наступили «последние времена» или еще нет, бывали разночтения. По словам расстригшегося иеромонаха Троицкого монастыря Г.И. Белозерова, «сейчас еще это не должно быть, так как эта власть должна смениться, этой власти не будет, тогда звезда будет не пятиконечная, а шестиконечная» (Дополнительные показания Белозерова...).

Список источников

- Краткий доклад о деятельности Административного отдела Окрисполкома за время январь–март мес. 1925 г. // ПермГАНИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 145. Л. 47 об.
Дополнительные показания Белозерова от 19.08.1937 г. // ПермГАНИ Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16925. Т. 1. Л. 47 об.
Письмо Ф.Г. Бояршинова // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702. Т. 1. Л. 177–178 об.
Показания Белоусова Н.В. от 23 июня 1934 г. // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т.2. Л. 21–23.
Протокол допроса Ф.Г. Дудина от 14 августа 1937 г. ПермГАНИ, Ф. 643/2, Оп. 1. Д. 29412. Л. 6.
Протокол дополнительного допроса В.В. Мичкова от 19.09.1937 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702. Т. 1. Л. 81об.–82.
Протокол допроса В.В. Мичкова от 09.08.1937 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702. Т. 1. Л. 57–63.
Протокол допроса В.В. Мичкова от 16.08.1937 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702. Т. 1. Л. 68, 69, 70.
Протокол допроса В.В. Мичкова от 28.08.1937 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702. Т. 1. Л. 72.
Характеристика из сельсовета на П.В. Новоселову // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702. Т. 1. Л. 108.
Протокол допроса П.В. Новоселовой от 04.09. 1937 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702. Т. 1. Л. 110, 113 об.
Протокол обыска от 6 августа 1937 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702. Т. 1. Л. 2.

Протокол повторного обыска от 6 августа 1937 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702. Т. 1. Л. 5.

Библиографический список

- Орлов И.Б.* Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2010. 328 с.
- Зубкова Е.Ю.* Послевоенное общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 1999. 220 с.
- Козлова Н.Н.* Горизонты повседневности советской эпохи. Голоса из хора. М., 1996. 211 с.
- Козлова Н.Н.* Советские люди. Сцены из истории. М., 2005. 544 с.
- Лебина Н.Б.* Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 гг. СПб., 1999. 320 с.
- Лебина Н.Б.* Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М., 2015. 488 с.
- Лебина Н.Б.* Повседневность эпохи космоса и кукурузы: деструкция большого стиля. Ленинград 1950–1960-е гг. СПб., 2015. 484 с.
- Козлова Н.Н., Смирнова Н.М.* Кризис классических методологий и современная познавательная ситуация // Социол. исследования. 1995. № 11. С. 12–22.

Дата поступления рукописи в редакцию 28.01.2016

«I PHOTOGRAPHED CHURCHES, PRIESTS, RAILWAYMEN...»: DAILY LIFE OF A VILLAGE MARGINAL IN THE FIRST HALF OF XX CENTURY

A. I. Kazankov

PermStateInstituteofCulture, Gazety «Zvezda» str., 18, 614000, Perm, Russia
tokugava2005@rambler.ru

The paper reconstructs the daily life of the three typical representatives of village Orthodox priests who lived in the first half of the XX century. The author uses the investigatory files concerning the priests Varlaam (Zomarev), Michkov and Slyunkov who had become friends in the Belogorsk St. Nicholas monastery in the early XX century and maintained friendly relations for three decades. In their biographies, all the most significant events of Russian history, such as World War I and the Civil War, several cycles of state repressions against the Church, the collectivization of the Ural villages, hunger and deprivation, the NKVD mass operations of the second half of the 1930s, are reflected. The lives of the priests and their surroundings demonstrate a number of unsuccessful attempts to adapt to the changes taking place in the country. Neither their rich life experience nor the variety of skills and talents, vitality and stamina, mutual aid and support saved them from the typical marginal fate as members of a persecuted, criminalized and annihilated minority.

Key words: Perm region, Orthodox priests, photography, monastery, repressions.

References

- Kozlova N.N.* Gorizonty povsednevnosti sovetskoy epokhi. Golosa iz khora. M., 1996. 211 s.
- Kozlova N.N.* Sovetskie lyudi. Stseny iz istorii. M., 2005. 544 s.
- Kozlova N.N., Smirnova N.M.* Krizis klassicheskikh metodologiy i sovremennaya poznavatel'naya situatsiya // Sotsiolog. issledovaniya. 1995. № 11. S. 12–22.
- Lebina N.B.* Povsednevnaya zhizn' sovetskogo goroda: Normy i anomalii. 1920-1930 gody. SPb., 1999. 320 s.
- Lebina N.B.* Povsednevnost' epokhi kosmosa i kukuruzy: destruktivnaya bol'shogo stilya. Leningrad 1950–1960-e gody. SPb., 2015. 484 s.
- Lebina N.B.* Sovetskaya povsednevnost': normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol'shому stilyu. M., 2015. 488 s.
- Orlov I.B.* Sovetskaya povsednevnost': istoricheskiy i sotsiologicheskiy aspekty stanovleniya. M., 2010. 328 s.
- Zubkova E.Yu.* Poslevoennoe obshchestvo: politika i povsednevnost'. 1945-1953. M., 1999. 220 s.